

Федеральная служба
по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды
**Северное межрегиональное территориальное управление
Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу
окружающей среды**

**ПИСЬМО
№ 1 (178)**

Архангельск
2005 г.

Вспоминает

Антонина Александровна Кочерова

Навсегда в памяти...

Окончив Московский Гидрометеорологический институт в июле 1941 года, сразу приехала к месту назначения в Архангельское управление гидрометеорологической службы. Зачислена была на работу инженером в аэрологическую группу АМСГ Кего. Большая часть моей трудовой деятельности связана с производством самолетного зондирования атмосферы. Это была трудная работа. Несовершенные метеорографы и оборудование для обработки результатов зондирования, ставившиеся в наряд на зондирование старые плохие самолеты, отработывающие последние ресурсы. Хорошие самолеты летали в тыл врага. Сначала летали на совсем маленьких самолетах ПР-5, а позже на Ли-2. Наш вылет был самый ранний. Данные зондирования нужны были летчикам для всех последующих вылетов. После полета мы сообщали визуальные наблюдения о высоте, толщине, плотности облаков. По прибору определяли их структуру и предупреждали о высотах, на которых возможно обледенение. По метеорограмме определяли давление, температуру, влажность до максимальной высоты подъема самолета (ПР-5 до 5 км, Ли-2 до 7 км).

Мне очень хочется помянуть добрым словом мою первую наставницу Рюхину Августу, которая помогла мне стать человеком и инженером. Она была старше меня на 9 лет. Уроженка Соломбалы . это удивительный человек: умная, серьезная, скромная, внимательная, трудолюбивая, добрая. Много сил вложила она в организацию самолетного зондирования в Кегострове. Своей профессией владела в совершенстве. Я преклонялась перед нею и любила её. Но, увы! Это было недолго. Зимой 1942 года она трагически погибла при исполнении служебных обязанностей.

Произошло это так. При спуске после зондирования самолет стал в воздухе распадаться на части. Летчик благополучно выпрыгнул и остался живым, а

она, вероятно, растерялась и не смогла раскрыть парашют... Всю жизнь я буду помнить Августу и её добрые дела.

Были и потом неудачные полеты. Летом, кажется 1943 года, при возвращении на аэродром с зондирования попали в туман. Горючее было на исходе. Вышли мы из облаков над Двиной. Видимости почти никакой нет. Страшно стало. Но кое-как вблизи рассмотрели кусочек песчаной косы . это был конец берега острова Разбойник. С трудом сели на него, туман стал рассеиваться. К нам подбежали рыбаки, работающие на острове, и сказали, что начинается прилив, и совсем скоро самолет окажется в воде. К сожалению, эта история длинная. Летчику одному пришлось улететь, а я 3 дня скиталась по островам Разбойник и Голец (недалеко от Архангельска). Все три дня меня искал самолет, а потом и катер милиции. Никто меня не нашел, а я обнаружила на Гольце сенокосную бригаду и с ними прибыла в Архангельск на барже с сеном. Много было приключений у меня в эти три дня.

После гибели Августы Рюхиной к полетам на зондирования никто не допускался без осуществления тренировочных прыжков с парашютом. Желающих прыгать не было. Рискнула я. Надо было сделать 2 прыжка, но при первом же прыжке при приземлении повредила руку. И меня после первого прыжка благословили на полеты. Так с зимы 1943 года до лета трудилась я в одиночестве. Летом Скиба Александра Викторовна совершила прыжок и стали мы работать вдвоем. Потом штат увеличился, работать стало легче.

Работала я и на радиозондировании, и в отделе аэрологии.

В 1962 году при неудачной посадке самолета на аэродром я получила серьезную травму ноги, которая до сих пор меня мучает. Это было летом при возвращении с зондирования атмосферы.

Не думала, что так интересно в воспоминаниях встречаться со своей молодостью.

(записано 24.04.1990 г).

Л.Н. Попова . начальник ОРНС

Архангельского ЦГМС-Р

Аэрологи в годы Великой Отечественной войны

Уже в далекие послевоенные годы на аэрологической станции «Архангельск» жизнь свела меня с удивительно интересными людьми. Разные пути привели всех в гидрометслужбу, которой впоследствии была отдана вся трудовая жизнь. Работали они в разных подразделениях Архангельского управления гидрометеорологической службы, когда грянула Великая Отечественная война: Голенищева Елизавета Константиновна, Печинкина Александра Николаевна, Казанская София Лазаревна, Едовина Евгения Михайловна, Шуин Михаил Евграфович, Подопригора Елена Тимофеевна.

В суровые годы войны Архангельское управление гидрометеорологической службы было подчинено Архангельскому военному округу. Специалисты гидрометеорологи, аэрологи обеспечивали информацией Беломорскую военную флотилию, авиацию. Кроме этого, привлекались к работам по строительству стратегически важных объектов: Казанская София Лазаревна в течение 6 месяцев работала на строительстве железной дороги, соединившей порты Экономика и Бакарица.

Евгения Михайловна Едовина, окончив курсы наблюдателей-метеорологов при Архангельском УГМС, в 1942 году была направлена работать на станцию Кедва-Вом.

Голенищева (Ануфриева) Елизавета Константиновна была направлена радистом-метеорологом на станцию Мыс Микулкин. (Ниже приведены фотоматериалы, предоставленные ее родными).

Подопригора Елена Тимофеевна с 1942 по апрель 1944 годы работала в политуправлении Северного флота инструктором по учету партдокументов, а затем перешла на работу по специальности на базовую гидрометстанцию г. Полярное (Мурманская область) старшим техником-аэрологом, где работала с апреля 1944 по октябрь 1945 годы.

Печинкина Александра Николаевна работала в Архангельске техником-аэрологом в аэрологической группе управления. В 1943 году была направлена на авиаметеорологическую станцию в г. Вологда для организации пункта радиозондирования атмосферы, где аэрологическая информация была крайне нужна прогностическим органам.

Кочерова Антонина Александровна всю войну работала аэрологом, бортаэрологом в г. Архангельске (о. Кего).

Эти скромные люди стойко выносили все тяготы тыла военного времени, выполняя свой долг и не думая о наградах. Многих уже нет, но светлая память о них остается навсегда с нами.

Вниманию читателей Информационного письма предлагается очерк о В.Е. Шуине . возглавлявшем аэрологическую станцию «Архангельск» в период с 1947 по 1959 год после возвращения с Новой Земли и воспоминания Кочеровой Антонины Александровны о работе бортаэрологом при выполнении самолетного зондирования атмосферы.

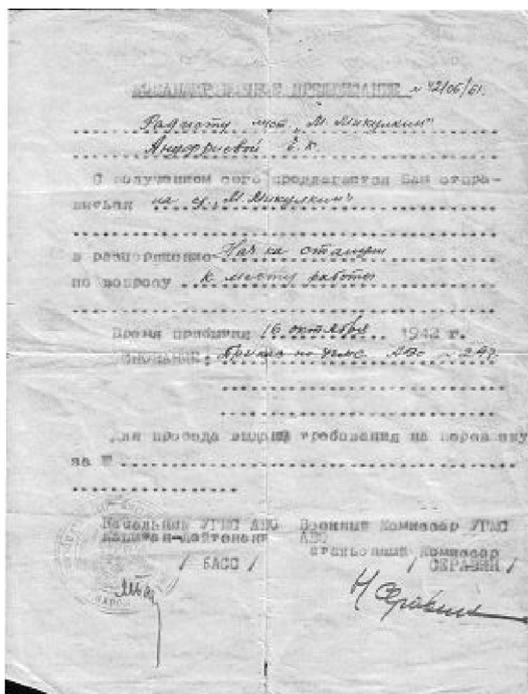

Фото Голенищевой Е.К. (Ануфриева) в годы войны и ее командировочное предписание.

Приказано: все забыть! (По страницам одного дневника)

Известно, что Арктика умеет хранить свои тайны, но в истории, которую поведал мне бывший полярник Василий Евграфович Шуин, нравы Арктики ни при чем. Туман здесь был явно рукотворного происхождения...

Речь идет о скоротечном поединке сугубо гражданского человека с немецким бомбардировщиком «Хейнкель-111», закончившемся не в пользу фашистских асов, и последующем замалчивании этого события, чему, как увидим, были свои причины.

Война застала моего собеседника на Новой Земле, в Белушьей, где он был начальником радиостанции. О ее начале полярники узнали по радио. В их жизни на первых порах мало что изменилось, разве что к работе своей все стали относиться строже, ответственнее. Каждый делал свое дело, и зашифрованная информация о погоде и ледовой обстановке уходила в эфир в точно установленное время.

Прошло лето, началась длинная полярная ночь, но вот закончилась и она. Люди радовались солнцу, однако не оставляла их и тревога. По всему чувствовалось, что война придет и на Новую Землю. Во второй половине мая над Белушьей появился первый вражеский разведчик «Юнкерс-88». Подобные визиты стали повторяться почти ежедневно, и Шуин постоянно сообщал о них в Амдерму.

О том, что было дальше, свидетельствуют дневниковые записи, сделанные тогда Василием Евграфовичем. Они, к счастью, сохранились и позволяют в деталях восстановить всю цепь событий. Итак...

4 июля 1942 года. Как только бухта очистилась ото льда, у нас стал постоянно базироваться гидросамолет воздушной разведки Западного сектора Арктики под командованием пилота Попова. 3 июля экипаж вылетел в очередную авиаразведку. Я обеспечиваю с ним радиосвязь.

После выполнения намеченной программы радист самолета сообщил, что через 15.20 минут они будут на базе. Снял наушники и тут же услышал гул авиационных моторов. Вижу, с востока на небольшой высоте приближается

четыrehмоторный самолет с красными звездами на плоскостях. Очевидно, сухопутный бомбардировщик.

Пролетев над бухтой, он резко изменил курс и ушел в южном направлении навстречу возвращающемуся гидросамолету Попова. Но нашего разведчика мы так и не дождались. Оказалось, что пилоты бомбардировщика по ошибке приняли его за немецкий и сбили над водой. Экипаж гидросамолета погиб.

7 июля. Прилетел начальник Особого отряда полярной авиации Мазурук Илья Павлович для разбора произошедшей трагедии. Он вручил мне крупнокалиберный зенитный пулемет «Льюис» с несколькими комплектами боевых патронов. Стрелок-радист показал, как обращаться с оружием, и помог оборудовать пулеметное гнездо в восьми метрах от входа в радиостанцию. Вокруг выложили невысокую стенку из камней. Провели несколько тренировочных стрельб.

10 июля. Доходят отрывочные сведения о гибели пароходов, торпедированных немецкими подлодками. В бухте стали появляться шлюпки и вельботы со спасшимися моряками. Многие из них в тяжелом состоянии. Гидрографическое судно «Мурманец» обследует побережье, подбирая потерпевших кораблекрушение.

16 июля. В 12 часов дня в бухте совершил посадку военный гидросамолет «Каталина». Экипаж имел задание долететь до Русской Гавани и снять там каких-то важных специалистов с торпедированного немцами судна. Летчики поставили самолет на якоря у самого берега, а сами пошли отдыхать в школу-интернат, которая теперь выполняла роль гостиницы.

17 июля. Утро этого дня застало меня в пути. Вместе с уполномоченным Новоземельской торговой конторы мы решили поохотиться на гусей на одном из озер. Только добрались на катере до устья ручья, вытекающего из этого озера, как услышали отдаленный звук моторов самолета. По завывающему характерному их гулу определили: «Юнкерс-88». А затем и увидели его над гребнем горного хребта. Машинально взглянул на часы . 3.30.

Самолет как бы скатился с горы и на малой высоте прошел над поселком, пересек бухту, круто развернулся в сторону гидросамолета и прошел его пулеметной очередью. Описав круг, пошел на второй заход и расстрелял «Каталину» теперь уже почти в упор. Однако та не взорвалась и не загорелась. Решив, по-видимому, что это макет, пилот «Юнкерса» прекратил атаки.

Вернувшись в поселок, обнаруживаем у гидросамолета весь его экипаж. К счастью, серьезных повреждений, кроме пробитого маслопровода, не оказалось, и самолет около полудня смог вылететь на задание. Перед самым его отлетом в бухте, в ста метрах от берега, бросил якорь пароход «Рошаль». Он должен взять добравшихся до Новой Земли моряков с аварийных судов конвоя PQ-17.

Ближе к вечеру над западным берегом бухты появился «Хейнкель-111». Используя рельеф местности, он словно подкрадывался к поселку, а затем взял курс на пароход, приближаясь к нему на высоте 50.60 метров. Однако огня с «Рошалья» по какой-то причине не открывали.

Я с самого начала был у своего «Льюиса» в ожидании удобного момента для стрельбы. Этот момент настал, когда самолет вышел в атаку на судно. Страх не было, была злость за все предыдущие унижения. В мозгу вертелось: «Сейчас им врежу, наглецам, прямо в морду!» «Хейнкель» все ближе, но гашетку нажал, только когда до него оставалось 200.250 метров и я отчетливо увидел носового стрелка под прозрачным колпаком. Вижу, как трассирующая дорожка вонзилась в корпус самолета, как исчезла голова стрелка, а ствол пулемета устоял в небо.

Немедленно перенес огонь на левый мотор. Над ним как бы вспыхнули два облачка, и раздались посторонние хлопки. «Хейнкель» качнулся на левое крыло, а затем резко на правое, открыв мне обзор второго мотора. Но одновременно открылось и гнездо хвостового стрелка. Я все-таки успел сделать короткую очередь по правому мотору, и в этот же момент стрелок открыл по мне прицельный огонь. Но так как самолет резко накренился,

чтобы выполнить крутой правый поворот, вся очередь, предназначенная мне, попала в стенку каменного ограждения. Другая очередь прошла над моей головой, прошла агрегатную, аппаратную и жилую комнату радиостанции. Создалось впечатление, что после серии хлопков, характерных при работе двигателей с перебоями, «Хейнкель» шел на одном из них. На очень малой высоте он пересек Междушарский пролив и скрылся за невысокими сопками одноименного острова. Гул мотора вдруг резко оборвался. У всех наблюдавших этот поединок сложилось мнение, что самолет совершил аварийную посадку.

Из боя я вышел с минимальными потерями. Правда, получил легкое ранение . одна из пуль попала в штакетник, и кусок его сантиметров 15 длиной попал мне в левую скулу и надбровную дугу. Досталось и глазу. На некоторое время я потерял сознание. Глаз заплыл, а лицо превратилось в сплошной синяк. В самой радиостанции возник пожар, но моя жена, находившаяся там, не растерялась и сбила огонь одеялом.

Придя в себя, я с большим трудом зашифровал радиограмму о бое с немецким самолетом и вынужденной его посадке на острове Междушарский и передал в Амдерму.

20 июля. Утром 18-го над Междушарским появился «Юнкерс-88» и долго кружил над предполагаемым местом посадки «Хейнкеля». Прилетал он туда и в два последующих дня. На третьи сутки после боя, часа в три утра, жители поселка были разбужены форсированным ревом авиационных моторов, доносившимся со стороны острова. Это продолжалось минут 15, затем наступила тишина. По-видимому, самолет пытался взлететь, но оттаявшая почва тундры не позволила ему оторваться от земли.

21 июля. В Белушью прилетел И.П. Мазурук. Он прошел над указанным мною местом вынужденной посадки «Хейнкеля», но ничего не обнаружил. Летчики решили, что самолет улетел и прекратили поиски, хотя мы уверяли, что этого не могло быть, поскольку рев моторов оборвался внезапно и удаляющегося их гула никто не слышал.

28 июля. Получили сообщение о нападении немецкой подводной лодки на полярную станцию Малые Кармакулы. Артиллерийским огнем подводники уничтожили два гидросамолета, стоящие у берега, и несколько построек.

В Белушьей организуется военная база. Один за другим приходят пароходы со спецгрузами. Прибыло военное командование во главе с капитаном второго ранга Диановым. Здесь сейчас постоянно базируются три гидросамолета. Они ежедневно вылетают на разведку.

Август. Над Белушьей немецкие самолеты больше не появляются, но, прослушивая эфир, я часто слышал работу неизвестной радиостанции и полагал, что это дает о себе знать аварийный «Хейнкель». Докладывал об этом в Амдерму и командованию базы, но никто серьезного значения моим словам не придавал.

Сентябрь. Мою радиостанцию закрыли во второй половине месяца. Военные взяли связь в свои руки и установили более мощную аппаратуру. Мне предложили работать в качестве вольнонаемного.

Октябрь. В начале месяца резко похолодало. Из Нарьян-Мара предупредили, что если гидросамолеты немедленно не вылетят, там их принять уже не смогут, так как на воде появилась шуга. Моторы двух самолетов запустились сразу, мотор же третьего никак не заводился. Командир группы старший лейтенант С. В. Сокол приказывает следовать на материк без него. Сам он взлетел через два часа.

Погода менялась к лучшему, и, набрав высоту, пилот увидел совершенно очистившийся от тумана северо-восточный конец острова Междушарский, куда он и направил машину. Внизу, на земле, вырисовывались очертания какого-то самолета. Чтобы убедиться, что это не мираж, Сокол заходит со стороны солнца, и перед экипажем воочию предстает тот самый «Хейнкель».

От самолета к невысокому холмику побежали несколько человек, ожидая обстрела из пулеметов. Но едва МБР выполнил свой маневр к атаке, на него, как коршун, свалился сверху «Юнкерс». Силы были слишком неравны. Пилот гидросамолета почти машинально бросает его в сохранившуюся над

проливом пелену тумана и прижавшись к воде, почти вслепую возвращается в Белушью.

На этот раз доклад возымел действие. Было высказано предложение, что самолет готовится к взлету и его надо немедленно обстрелять. Но командир базы принял другое решение: высадить ночью десант, захватить самолет и экипаж.

Операция была осуществлена. К рассвету десант подошел к намеченному пункту, но обнаружил там только бочки из-под горючего, детали мотора, небольшую землянку, кучи пустых консервных банок, маскировочные сети, вдавленную в землю рацию и колеи от самолетных колес.

А еще перед заходом солнца «Хейнкель» сидел на месте . это видел тот же старший лейтенант Сокол, совершивший осторожную, чтобы не спугнуть немецких пилотов, разведку.

На всю операцию был наложен гриф «Секретно», и вести какие-либо разговоры о ней было запрещено.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Проведя в Белушьей еще одну зимовку, В.Е. Шуин был направлен на остров Вайгач для организации пункта наблюдения и связи на полярной станции - Болванский Нос. День Победы встретил на Юшаре, где в марте 1944 года сменил начальника полярной станции, пройдя весь остров с севера на юг на собачьих упряжках.

Мужества и выдержки ему было не занимать. В этом многие убедились в тот памятный июльский день, когда он, спасая других, принял весь огонь фашистского стервятника на себя. А что не был официально отмечен, то мало ли подобных случаев было на той войне. Да и кто бы стал писать рекомендацию на него после такого провала командования. Это означало просто высечь самих себя. А всем о подвиге было приказано забыть.

И последний штрих к портрету нашего героя. Уже в зрелом возрасте, имея большую семью, Василий Евграфович закончил среднюю школу, институт и аспирантуру, успешно защитил диссертацию, стал кандидатом технических наук, а затем длительное время заведовал кафедрой АЛТИ.

(перепечатано из газеты «Правда Севера» от 8 мая 1995 г., статья Юрия Абрамова).

Вишнякова Людмила Васильевна

Ветераны войны вспоминают...

После 5-го класса в 1942 году на каникулах работала на парниках лесозавода . 12, так как взрослые женщины ушли на более тяжелые работы, а после 6-го на огородах . садили, пололи, убирали урожай. Занятия в школах начинались с октября, после уборки урожая.

В школе, конечно, холодно, сыро. Так и сидели в пальто и в валенках, часто мокрые (ходили через реку, проваливались). В школе давали дополнительный паёк . 50 граммов хлеба, мама служила телефонисткой, получала 400 граммов и детские 300 граммов. Больше ничего. Младшая Дина все плакала, есть просила, потом стало хорошо . появилось тюленье мясо и жир. Очень хорошо помню в столовой СМЗ котлеты, черные такие.

Бомбили.. В убежище не ходили, не помню почему, просто собирались на лестничной площадке первого этажа все жители вместе, чтобы не так страшно было.

Один раз пилили с мамой дрова, едва успели отбежать от «козла», увидев самолет. На то место, где мы стояли, 3 зенитных осколка упало.

Работать в управление пришла 15 июня 1944 года, когда 7 классов закончила, сначала в ОК делопроизводителем, где инспектором была Т.А. Кожина (Забуга), потом в отдел сети, а в 1947 году Гидалий Израилевич Саккер, тогдашний начальник бюро погоды, пригласил к себе.

Антонина Федоровна Никитина

. Основные работы выполняли на весельных карбасах. Однажды, при отборе проб попали в сильный шторм и спрятались под тент (были вдвоем с 17-летним Пономаревым С.), понесло в море. Спас возвращающийся на моторке с гидрологических работ Н.И. Косягин.

. Ничего особенного не делала, только лунки пешней долбила и измеряла толщину льда (при толщине 35 см можно было переправлять по льду танки).

Иван Михайлович Жила

«. После окончания Харьковского гидрометеорологического института прибыл в Архангельск в 1943 году. Голод. Голодавшие с начала войны на 2-ой этаж деревянного здания управления поднимались с 3-мя остановками.

Занимались обследованием водных объектов. В экспедиции ходили почти в одиночку, без дорог, болотами с нищенскими пайками.

Данные представляли в штаб округа, где они служили основой для обозначения бродов, переправ и использования водных объектов для строительства оборонных сооружений (по плану Гитлера граница Германии должна была проходить по Северной Двине до Астрахани).

Часто инженеров-гидрологов принимали за шпионов (И.М. Жила дважды сидел под арестом 2 и 4 дня).. Обследованием занимались и женщины. Гашева В.Ф. обследовала реки Карелии в 30-50 км от линии фронта.

Не раз тонули сами, топили продукты, иногда, нырнув в ледяную воду, продукты удавалось спасти.

Вера Иосифовна Ямбаева

В 1942 году (в 17 лет) послали наблюдателем на Терско-Орловский Маяк, в 60 км от ближайшего пункта. Самое страшное было ходить на измерения температуры воды моря, 3 раза в сутки, спускаться по обледенелым крутым скалам, с вечной боязнью разбить термометр..

Баева Анастасия Алексеевна

(родилась 22.11.26 года).

В мае 1944 года закончила школу, два месяца была учеником техника-метеоролога метеостанции Нарьян-Мар, с сентября 1944 года начала работать техником-метеорологом. В Нарьян-Маре находилась авиационная эскадрилья, которая обслуживала весь Северо-Запад. Руководство эскадрильи находилось в Северодвинске. В декабре 1945 года была демобилизована и до 1950 года работала на метеостанции Нарьян-Мар. С

1950 г. и до 1992 года (до выхода на пенсию) проработала на метеостанции Воркута (Коми ЦГМС).

Турубанов Василий Григорьевич - призван в феврале 1943 года. Воевал в стрелковой бригаде, был дважды ранен. Демобилизован по болезни в сентябре 1945 года. Награжден орденами и медалями, в том числе медалью «За отвагу», Орденом Отечественной войны I степени.

Гайдук Иван Савельевич родился 26.09.25 года в Краснодарском крае. 20 мая 1943 года был призван в ряды Советской Армии и отправлен на 2-ой Украинский фронт в действующие войска. Служил в автоматной роте 936 стрелкового полка. С боями прошел от г. Черкассы до г. Умань, где при прорыве обороны под д. Кобыляки 5 марта 1944 г. получил ранение. Был на излечении в г. Харькове. После выздоровления попал в Харьковский учебный центр. Получил звание младшего сержанта, через 3 месяца отправлен на фронт в 544 артиллерийский полк малокалиберной зенитной артиллерии. После формирования полк был отправлен в Германию в г. Опельн. Гайдук И. С. прошел с боями путь до Бреслау на р. Одер, где и встретил окончание войны и победу. Был награжден медалью «За победу над Германией в 1941-1945 г.г.».

После войны по распределению попал на Север в органы МВД, где и проходил службу до 1954 г. После демобилизации остался в г. Печоре, где и проживает по настоящее время. Работал на автобазе, затем в Печорской гидрометобсерватории.

Микушев Николай Васильевич родился 13 сентября 1924 года в деревне Сюзяиб Корткеросского района Республики Коми. В 1942 году призван Сторожевским военкоматом в армию. Было ему тогда неполных 18 лет. 16 августа 1942 года в Грязовце окончил минометное училище и в ноябре этого же года направлен на южный фронт. Служил минометчиком . 1 в составе 2-ой Украинской армии, участвовал в окружении немецкой группировки Паулюса под Сталинградом. Освобождал Ростов-на-Дону, Новочеркасск,

Донбасс, несколько районов Украины. На протяжении войны был несколько раз контужен.

После ожесточенных боев часть, в которой служил Микушев Н. В., попала в окружение. Большинство солдат погибли, раненые были захвачены в плен, в их числе оказался и Николай Васильевич. В Бухенвальде мужественно переносил издевательства фашистов и нечеловеческие условия жизни. Был освобожден войсками Советской Армии. После тщательной проверки и долгого лечения был зачислен в действующую армию и в составе 77-й Гвардейской дивизии вновь направлен на фронт. Микушев Н. В. демобилизовался в марте 1950 года.

Канев Г.В. - бывший начальник
М-П Петрунь Коми ЦГМС

Воспоминания участника Великой Отечественной войны (1941-1945)

В апреле 1942 года нас, 16-летних мальчишек, призвали в ФЗИ г. Сыктывкара. Учились на плотников. Мастером у нас был Ширяев, помощником Пыстин. Строили двух и трехэтажные здания из брусьев. 02.08.42 нас отправили в пос. Кожим Койгородского района. В ноябре 1943 года был призван в армию - г. Грязевец Вологодской области, 68 запасной стрелковый полк, 2-ая станково-пулеметная рота.

24 мая 1944 года отправили нас на фронт. Подъезжая к железнодорожной станции «Дно» Псковской области, приняли первое боевое крещение: прилетели вражеские самолеты и начали бомбить железнодорожный состав. Кругом вой, свист, крики обезумевших людей, выпрыгивающих из вагонов. Некоторые тут же падали, сраженные пулями или осколками. Кто бежит к лесу, кто пытается укрыться в канавах, кто-то от страха лезет под горящие вагоны! Словом, первые убитые, первые раненые. Форсированным маршем прошли через полуразрушенный Ленинград. Начались новые формирования,

и попал я в войска связи - 951 полк 265 стрелковой дивизии, рота связи. Командиром 951 полка в то время был подполковник Коноплин. Его родной брат Коноплин был старшиной нашей роты связи, к сожалению, инициалы их не помню.

Наступали дни и ночи, уставали до последних сил. При остановках на большой привал нам, связистам, сразу же надо устанавливать связь со штабами батальонов. 500-метровые кабельные катушки и телефонные аппараты УНА-Ф 42 таскали на себе, да еще и оружие всегда с собой. А стрелки в это время, окопавшись, могут храпануть часок-другой. Часто бывало, что только обеспечишь связью штабы батальонов, приступишь к дежурству, привязав телефонную трубку к уху, а тут уже опять приказ: «Приготовиться к движению!» Пока наматываешь катушки с кабелем, стрелки уже далеко вперед прошагали, опять надо догонять свои части. Тяжела эта обязанность связиста-линейщика!

Бои шли тогда сутками, не затихая не на минуту. Наша дивизия была в самом пекле. Ряды бойцов заметно поредели и тогда в бой были брошены последние резервы - связисты, хозяйственники, санитары. Из них были сформированы ударные взводы, в их составе выпала честь сражаться и мне. 26 июня 1944 года при штурме очередной вражеской высоты (сопки) осколком разорвавшейся рядом мины бал ранен в ногу (слепое осколочное ранение левого бедра). Около двух месяцев лежал в госпитале на излечении в г. Ленинграде, 2 линия Васильевского острова, д. 52, 92 госпиталь. Выписали из госпиталя в конце августа 1944 года и, к большому сожалению, в свою часть не удалось попасть, и обещанные награды за штурм так и не удалось получить. После ранения воевал в составе 224 Гатчинской Краснознаменной стрелковой дивизии, взвод связи.

Войну закончил в Прибалтике, Латвия, в районе железнодорожной станции Приз-Куля. После окончания войны служил еще пять лет в Отдельной мотострелковой роте, Центральная база . 27 Московского военного округа.

Н.А. Полушина - начальник отдела ИВЦ-МТС
Архангельского ЦГМС-Р
Толочко Л.П. . председатель Совета Ветеранов
Северного УГМС

О работе связистов Архангельского УГМС

Известно, что в службе связи в период Великой Отечественной войны придавалось особое значение. Ускоренные курсы подготовки радистов были организованы при Архангельском УГМС. Связисты выполняли свой долг на всех фронтах в различных подразделениях. Особое место было отведено связистам и при передаче гидрометеорологических сводок. Некоторые из них и сейчас с нами. О них и их военных буднях наши следующие материалы.

Фото. Курсы подготовки радистов (1941 г.)

Накануне 60-летнего юбилея Великой Победы в Службе связи с гордостью вспоминают наших дорогих ветеранов, начало трудового пути, которых совпало с суровыми военными годами.

Молодость этих женщин была опалена войной. Они с честью выдержали все испытания, достойно прошли свой трудовой путь и сейчас встречаются

славный юбилей. Это Анисимова Анна Петровна, Дерман Нина Георгиевна, Кузнецова Римма Петровна, Антипова Александра Михайловна, Зацепина Людмила Никитична, Юрьева Нина Павловна.

В далекие сороковые годы все эти женщины, тогда еще совсем девчонки, закончили курсы радистов. Были направлены на различные участки, где обеспечивали связью воинские части, авиационные подразделения и подразделения Беломорской Военной флотилии.

Анисимова Анна Петровна работала радистом в Узле связи Гидрометслужбы в Архангельске с 1941 года, ушла на заслуженный отдых в 1978г году. Имеет награды участника войны - Орден Отечественной войны 2степени, медали "За Победу над Германией", "За Оборону Заполярья".

Дерман Нина Георгиевна с 1941 по 1944 год служила радистом в Североморске при штабе Армии, с 1945 года по 1962 года работала в службе связи. Награждена: Орденом Отечественной войны 1 степени, медалью "За оборону Заполярья".

Кузнецова Римма Петровна в период войны работала на станции технического радиоконтроля в Талагах, а затем - в Павракуле. С 1947 года пришла на работу в Службу связи и трудилась до 1986 года. Награждена медалями: "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "За трудовую доблесть".

Антипова Александра Михайловна в годы войны закончила Архангельский техникум связи и работала в Карелии, с 1951 по 1984 год работала в Службе связи. Отмечена медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

Зацепина Людмила Никитична с 1943 года по 1945 год работала радистом в Беломорске. С 1945 по 1985 год трудилась в Службе связи. Отмечена медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

Юрьева Нина Павловна в военные годы работала радистом в аэропорту Кегоостров. В Службе связи трудилась с 1951 по 1985 годы.

Все наши ветераны своим трудом приближали Победу, прошли долгий и славный трудовой путь, были всегда примером для молодого поколения.

В связи с наступающим Праздником Победы хочется пожелать им, прежде всего здоровья, бодрости духа и долгих лет жизни.

Фото. Коллектив службы связи, 1949 год.

М.Н. Наумова

- начальник ОК Диксонского СЦГМС

Оборона Диксона

После сообщения о появлении в Карском море фашистского рейдера и нападении его на пароход «Сибиряков» Диксон приготовился к защите от врага на случай, если тот попытается напасть на порт и полярную станцию. Из ополченцев были сформированы противодесантные дружины, в состав которых входили работники порта, радиометцентра, авиапорта, отделения Госбанка, больницы, охотники с ближайших промыслово-охотничьих станций. Командовал ими главный инженер Диксонстроя А.И. Мережков, комиссаром отряда был начальник Диксонского политотдела С.А. Шатов, начальником штаба . инженер Диксонстроя П.И. Ивушкин. Отряд имел свою противотанковую малокалиберную батарею, два зенитных пулемета, винтовки, гранаты. Артиллерийским взводом командовал электросварщик

порта И.Г. Воробьев, командирами орудий были А.А. Щедрин и С.В. Кузнецов.

Организацией обороны Диксона занимались: начальник штаба морских операций Н.А. Еремеев, заместитель начальника штаба морских операций А.И. Минеев, и начальник полярной станции Диксон И.А. Сидорин.

Вот что писал об этом участник событий по защите Диксона, один из работников Штаба Морских операций Главсевморпути, гидролог - ледовый разведчик М.М. Сомов: Накануне развертывания морских операций в Арктике, в сложнейших условиях начавшейся войны, работники Штаба морских операций Главсевморпути были «забронированными», их сохраняли для предстоящих морских операций на трассе Северного морского пути.

В Штабе морских операций западного района Главсевморпути накануне мрачной зимы 1941/42 года все сотрудники полярных станций и зимовщики чувствовали себя, как на линии фронта.

Начальником морских операций был капитан дальнего плавания, Герой Советского Союза М.П. Белоусов, начальником штаба . Н.А. Еремеев, заместителем - А.И. Минеев, синоптиком - В.В. Фролов, секретарем . Е.М. Сузюмов, гидрологом Штаба был М.М. Сомов.

Штаб далеко не всегда находился на Диксоне - поначалу, он плавал на судах, то и дело переходя с одного на другое. Работники штаба привыкли к этим переходам и всегда держали наготове в своей каюте листы оберточной бумаги, шпагат и мешковину, чтобы при необходимости быстро свернуть синоптические и ледовые карты с нанесенными на них данными из шифрованных телеграмм.

В конце августа 1942 года Штаб морских операций Главсевморпути получил тревожное предупреждение от начальника ГУСМП о том, что немецкий крейсер, или «карманный линкор», как называли этот тип кораблей, возможно, проникнет в Карское море. Предупреждение было более чем тревожным, так как весь наличный транспортный флот, скопившийся на Диксоне из-за тяжелой ледовой обстановки, всего лишь несколько суток

назад вышел, наконец, из порта и направился на восток к проливу Вилькицкого. Караван шел скрытно, с опечатанными радиостанциями. Лишь флагманский ледокол раз в сутки посылал в эфир зашифрованные координаты.

Вслед за караваном некоторое время спустя из порта Диксона вышел прославленный ледокольный пароход «Сибиряков» под командованием капитана А.А. Качаравы, направившийся также на восток к проливу Вилькицкого. Диксонский радиоцентр вел непрерывное наблюдение за эфиром. Беспокойство за судьбу каравана и «Сибирякова» возрастало.

Дальнейшие события показали, что оно было более чем обоснованным. В эфире прозвучали позывные Диксона. Звал «Сибиряков». Открытым текстом радист передавал, что они видят большое судно, которое просит сообщить ледовую обстановку в Карском море и называет себя каким-то непонятным японским словом, «Сясьма» или «Сисаяма». Переговоры радистов тут же были переданы в штаб по телефону. Радист сообщил, что капитан Качаравы отказался сообщить ледовую обстановку неизвестному судну, приказал открыть по нему огонь. Последние слова радиста были: «Ну, началась канонада». Связь оборвалась. Наступила тишина, страшная своей неизвестностью.

Каравану наших судов сразу же было сообщено о случившемся и дано указание продвигаться, возможно, дальше на восток, минуя и оставляя за собой тяжелые сплоченные льды.

Подготовка к встрече фашистского крейсера началась немедленно после радиоразговора с «Сибиряковым» на полярной станции Диксон и в Штабе морских операций ГУСМП.

Еще накануне возможного прихода крейсера «Адмирал Шеер» очень спокойно и четко была проведена эвакуация детей вместе с матерями с Диксона. Эта мера сразу же сняла одну из основных причин возможной нервозности.

План Штаба был сравнительно прост. При подходе рейдера «Адмирал Шеер» начальник штаба морских операций А.И. Минеев и заместитель начальника Штаба морских операций Н.А. Еремеев должны были сесть на поданный им катер и принять на себя командование всеми судами, находящимися в порту и на рейде острова Диксон. Шифровальщик штаба Б.И. Иванов, синоптик В.В. Фролов и ледоисследователь М.М. Сомов немедленно должны были взять заранее приготовленные большие мешки с закрытой служебной перепиской и сесть в поданный катер, который перевезет их через пролив, высадит в тундре и возвратится обратно на Диксон. Используя складки местности, работники штаба должны были скрытно продвинуться возможно дальше в тундру, где и должны были оставаться до ухода немцев. Лишь в самом критическом, безвыходном положении они должны были облить бензином и сжечь все документы.

26 августа 1942 года поздно ночью в штабе раздался телефонный звонок. Звонили из Нового Диксона (северной оконечности острова) и сообщили, что видят двухтрубный пароход, остановившийся невдалеке. Сомнений не оставалось . это был «Адмирал Шеер»! В предрассветной мгле его боевые надстройки вполне можно было спутать с пароходными трубами. В считанные минуты весь штат штаба был на ногах и готов к выполнению заданий.

Характерна была реакция людей на вторжение враждебной, чужеродной силы. Диксон давно уже стал всем родным. Когда «Адмирал Шеер» стал двигаться к полярной станции и к порту двое . начальник аэропорта Н.Ф. Колло с товарищем, вооружившихся ОСОАВИАХИМовским ручным пулеметом с одним диском патронов и винтовкой с одной обоймой, пошли, а затем побежали за крейсером вдоль берега, с тем чтобы помешать высадке десанта в тылу полярной станции.

Не менее десяти километров пришлось им бежать по мокрой тундре и каменистым россыпям, огибая мысы и заливы. Они пришли на станцию Диксон почти одновременно с крейсером. Изнуренные до предела, еле

стоявшие на ногах, мокрые от пота настолько, что казались вытасканными из воды, но в глазах отражалась радость от выполненного задания.

В порту бешеными темпами шла работа по рассредоточению судов, стоявших на рейде и у причалов. Трюмы одного из них были забиты взрывчаткой, а палуба . бочками с авиационным бензином, лежавшими в несколько рядов. Это старое паровое судно все еще стояло у причала, когда из Нового Диксона сообщили, что крейсер начал двигаться по направлению к порту. Не сразу удалось раскочегарить котлы и вытолкнуть эту старую посудину с бензином и взрывчаткой из бухты и спрятать ее в Енисейском заливе.

Порт готовился к бою. Военизированный ледокольный пароход «Дежнев», вооруженный легкими пушками и крупнокалиберными пулеметами, двинулся от причала в бухту, подставив крейсеру врага свой левый борт. Одна из шестидюймовых сухопутных пушек, находившихся на причале для отправки с Диксона, была стараниями ее расчета под командованием старшего лейтенанта Скорнякова приведена в боевую готовность.

Когда рейдер появился у острова Диксон, на батарее сыграли боевую тревогу.

Артиллеристы заняли места у орудий. В направлении пролива Вега развернули и второе орудие, фашист шел явно сюда.

О подходе вражеского крейсера все узнали от Колло и его товарища. Когда «Дежнев» отошел от причала и бесшумно двинулся ко входу в бухту Диксон, всем показалось, что в самом воздухе нависла зловещая, мучительно затянувшаяся тишина, которая должна вот-вот расколоться потрясающей силы залпами. И польется человеческая кровь.

«Дежнев» продолжал бесшумно скользить по заливу навстречу противнику, вооруженному по последнему слову техники и имевшему на борту несколько сотен фашистов. Только тогда, когда «Дежнев» начал скрываться за мысом, грохнули тяжелые залпы, почти слившиеся друг с другом. Ощетинившийся

пушками гитлеровский крейсер, осторожно входя в диксонскую бухту, не подозревал, что здесь его ожидают сюрпризы.

Во-первых, навстречу ему шел непонятно откуда взявшийся военный корабль (ледокольный пароход «Дежнев» был незадолго до этого переоборудован в СКР - сторожевой корабль). Правда, его артиллерия не обладала достаточной мощностью для эффективной борьбы с таким сильным противником, как крейсер. Но шквал артиллерийского огня, обрушившегося на крейсер, сыграл свою роль. Особенно, когда к этому шквалу с «Дежнева» и парохода «Революционер» присоединились одиночные, но весьма меткие попадания из тяжелой пушки, установленной на причале морского порта.

Получив два прямых попадания, «Адмирал Шеер» поставил дымовую завесу и, набирая ход, скрылся за мысом.

После ухода из пролива Вега рейдер обстрелял строившуюся на острове Медвежий туманную станцию, а потом - электростанцию и радиостанцию на Новом Диксоне; затем он перенес огонь орудий главного калибра на порт.

На новом Диксоне начался пожар. Начальнику радиостанции К. Якубову, механику А. Булычеву и радисту В. Колобродову удалось преградить путь огню к цистерне с горючим.

Обстреляв Новый Диксон, враг затих. Но через небольшой промежуток времени начался обстрел полярной станции Диксон, который не имел никаких результатов. Убедившись, что их снаряды не достигают станции, а проносятся над нею дальше через бухту на пустую территорию острова, крейсер перенес огонь своей артиллерии на остров Конус, где в свое время была создана примитивная угольная база для арктических судов.

Зажигательными бомбами был подожжен небольшой склад бочек с соляжкой. По-видимому, сильный пожар был сфотографирован, и это удовлетворило гитлеровцев. Как только крейсер прекратил стрельбу, к острову направились катера с бойцами народного ополчения, которые ликвидировали пожар.

В 4 часа 45 минут наблюдатель, находившийся на фок-мачте, доложил о приближении с севера военного корабля. Это был «Адмирал Шеер». Он

пытался подойти к Диксону с другой стороны. На «Дежнев» и береговой батарее вновь сыграли боевую тревогу.

Артиллеристам Корнякова пришлось разворачивать орудия, на этот раз, в направлении пролива Превен. Когда между берегами на большом удалении показался силуэт корабля, они дали по нему несколько залпов. Наблюдатели отметили еще одно попадание по фашисту.

Есть основания полагать, что нервы командования крейсера не выдержали вмешательства именно этой пушки. Записи в судовом журнале «Адмирала Шеера» отражают панический ужас и предположение, что они встретились с неизвестно откуда взявшимися английскими военными моряками.

Поставив дымовую завесу, рейдер снова повернул. Запланированная высадка на Диксон 180 немецких десантников не состоялась.

«Адмирал Шеер» уходил с Диксона самым полным ходом, развивая максимальную скорость до 24-26 узлов.

В ночь на 28 августа командир рейдера получил приказ возвратиться на базу. У острова Медвежий рейдер был взят под эскорт эсминцев и к исходу дня 30 августа отдал якорь в порту Нарвик.

Залпы с «Дежнева» не могли серьезно повредить защищенный броней крейсер, но напористость, смелость и ураганный шквал огня советских пароходов «Дежнев» и «Революционер» вместе с огнем тяжелой пушки смогла вынудили противника выйти из боя. Первый урок дал им, конечно, «Сибиряков», бесстрашно ринувшийся в бой, невзирая на неравные силы. Привыкший к легким победам, самоуверенный и наглый враг получил представление о героизме и духовной силе советских людей. В тот момент диксонцы еще не могли знать, что в трюмах «Адмирала Шеера» томятся их товарищи с «Сибирякова» во главе с тяжело раненым капитаном Качаравой, которого сибиряковцы укрыли, назвав «профессором». Никакой ледовой обстановки от них враг не узнал. Так же непримиримо-воинственно встретил врага и остров Диксон.

Дорогой ценой досталась эта победа. Смертью храбрых пали моряки североморцы из экипажа «Дежнева». Скромнымobeliskом отмечена была их братская могила на полярной станции острова. Вот их имена:

Старшина I статьи - Павел Григорьевич Ульянов,

Старшина II статьи - Василий Иванович Давыдов

Старшина II статьи-Алексей Михайлович Карачаев

Краснофлотец - Геннадий Иванович Майсюк

Краснофлотец - Файрулла Хайрулин Краснофлотец - Аркадий Прокофьевич Борисихин.

Тридцать дежневцев в бою с «Адмиралом Шеером» были ранены, только у пятерых ранение было легким.

С тех пор, как мир подробно узнал о героической эпопее «Сибирякова» и его команды, нет нужды доказывать высокую ценность ледовой информации, данных ледовой разведки, которые добывали работники Штаба морских операций. Гитлеровский «карманный линкор» охотился за этими данными, их он искал у сибиряковцев и затем на Диксоне. Ничего не получив, «Адмирал Шеер» бесславно вернулся восвояси . плавать во льдах вслепую было чересчур рискованно.

Подготовлено в 1989 г.

А.И. Добрыниным - бывшим начальником
Архангельского бюро погоды и Отдела службы
прогнозов Северного УГМС.

О гидрометобеспечении воинских подразделений армии и флота

В связи с осложнениями международной обстановки в мире в Северном УГМС в 1938 г. организуется Отдел обороны, которому была поставлена задача подготовки подразделений гидрометслужбы к работе в условиях военного времени. В результате я был переведен (из Бюро погоды) на работу в этот отдел старшим специалистом. Начальником отдела стал Лягин Василий Александрович.

Основной задачей отдела являлась подготовка специалистов Бюро погоды и других прогностических подразделений для работы по так называемой "обрезанной карте", т.е. при отсутствии поступления сведений о погоде с территории, западнее наших государственных границ, что фактически наблюдалось в течение всех военных лет.

Второй задачей являлось снабжение прогностических органов и гидрометстанций, имеющих радиосвязь, секретными кодами по зашифровке гидрометсведений и обучение штата шифрованию.

И наконец, основной задачей являлась отработка планов и схем гидрометобеспечения воинских подразделений армии и флота различного рода гидрометсведениями и прогнозами погоды, гидропрогнозами: о волнение моря, о ледовых условиях плавания судов и др.

В конце 1940 - начале 1941г. во всех местных УГМС организуются Отделы службы прогнозов, в обязанность которых входили организация и контроль за работой всех прогностических подразделений по составлению ими различного рода прогнозов, и различного рода материалов фактического состояния гидрометусловий по обслуживаемой нами территории, а также организация и контроль за гидрометобслуживанием всех отраслей народного хозяйства необходимыми для их деятельности гидрометсведениями и прогнозами.

На должность начальника этого отдела был назначен я 01 февраля 1941 года.

Как ни готовились мы к войне, а она нагрянула для нас и всего народа неожиданно.

Вспоминается летний воскресный день. Приодевшись, я бродил в центре города по магазинам, которые в те времена в воскресенье торговали. Народу в такой день в центре было много.

В 12 часов дня вдруг по народу прошло какое-то оживление. Приглядевшись, заметил, что на углу Поморской и Павлина Виноградова собирается толпа народа, обратив свой взор на радио-тарелку на деревянном столбе.

Протолкнувшись поближе и прислушавшись к речи Молотова В.М., понял, что началась война с Германией.

Сразу же бросился домой, так как знал, что мне необходимо срочно явиться на работу. Прибежав домой, я застал у себя Лягина В.А., ожидающего меня (он жил рядом в квартале). Быстро переодевшись, мы с ним направились в Управление вводить мобилизационные планы в действие.

В Кузнечихе, сойдя с трамвая, мы решили зайти в пивную выпить по кружке пива. Господи, что в ней творилось! Она была полна мужиков, которые говорили все в один голос, посылая все свои проклятия фашистской Германии.

В Управлении мы с Лягиным проработали весь день и ночь, передавая телеграфные распоряжения о введении в действие соответствующих документов нашими подразделениями.

Фактически с этого дня я перешел жить в УГМС, так как экстренное решение возникающих вопросов требовало этого.

23 июня была задействована при Бюро погоды группа шифровальщиков во главе с Осокиной Р.А., в основном из ранее подобранных девушек из отделов УГМС. С этого дня поступающая и передаваемая метеоинформация по радио обрабатывалась спецкодами. По телеграфным проводам она шла открытым текстом.

Работа и быт УГМС постепенно входили в колею военного времени: многие сотрудники уходили в армию, с питанием становилось плохо.

В сентябре 1941 года Северное УГМС было военизировано и стало считаться УГМС Архангельского военного округа (АВО).

В основном, штаты УГМС остались прежними, только руководители ведущих отделов призваны на военную службу. Мне было присвоено военное звание техника-лейтенанта.

В связи с осложнениями на фронтах и приближением их к Ленинграду и Москве осенью 1941г. многие сотрудники научно-исследовательских институтов (ГОИН, ГГИ) и ГУГМС были эвакуированы в Архангельск, и

были привлечены к решению многих запросов АВО и Беломорской военной флотилии (БВФ) (Зубов Н.Н., Шулейкин В., Евгенов Н.И., Протопопов И.Д., Александров и др.).

Основными задачами, которые ставились перед нами, были две:

- АВО - о возможности переправ войск и техники через реки и болота Архангельской и Вологодской областей;
- БВФ - о возможности плавания военных и вспомогательных судов в ледовых условиях зимнего сезона.

Для решения первой задачи пришлось вызвать в УГМС всех начальников речных гидрологических станций, поселить их в двух кабинетах, где они жили и производили обработку необходимых данных, каждый по своей системе рек.

Решение второй задачи потребовало в помощь наземным ГМС Белого и Баренцева морей, наблюдающих ледовую обстановку своего района, организации самолетной разведки льдов с воздуха. Последние производились почти ежедневно, так как плавание судов, в особенности в направлении Северодвинск - Иоканга (до чистой воды) происходило регулярно.

В июле 1943г. я был прикомандирован в штаб Беломорской ВФ в качестве метеоролога для подготовки и доклада гидрометеорологической обстановки оперативным отделам штаба, начальнику штаба капитану 1 ранга Зазуля и командующему флотилии вице-адмиралу Степанову. До моего перевода в штаб БВФ эти обязанности исполнял капитан 1 ранга Зубов Н.Н., известный в науке океанограф.

Ввиду того, что гидрометобеспечение БВФ требовало большего внимания, чем АВО, наше УГМС в 1944г. было передано из АВО в подчинение БВФ.

В связи с этим, вместо одного метеоролога-синоптика, в штабе была создана целая группа специалистов из двух инженеров-синоптиков, двух океанологов-прогнозистов и трех техников-информаторов, с круглосуточным дежурством.

В 1944г. я был возвращен в УГМС на должность начальника Бюро погоды, в какой и закончил войну, демобилизовавшись в марте 1946г. в чине ст. техника-лейтенанта, а с 1апреля 1946г. был назначен начальником Отдела службы прогнозов Северного УГМС, т.е. возвращен на должность, которую занимал до мобилизации в армию.

За период военной службы был награжден орденом "Красной Звезды", медалями: "За оборону Советского Заполярья", "За победу над Германией", а в 1985г. орденом "Отечественной войны" 2 степени.

Фото. Коллектив Службы Погоды, 1948 г.. 1-й ряд (слева направо): Карканосова Раиса Васильевна, Третьяков Александр Иванович, Добрынин Александр Иванович, Васильева Мария Алексеевна, Саккер Гидалий Израилевич . начальник бюро погоды по 1950 год.

Н.Н. Колесниченко - бывший руководитель
Северного УГМС,

Г.К. Лоренц - бывший начальник ОНТИ и ГМФ

Гидрометеорологи в Великой Отечественной войне

В первые дни войны перед работниками Гидрометеорологической службы, как и перед всеми советскими людьми, встал вопрос: "Как дальше организовать работу, чтобы наилучшим образом обеспечить нужды армии, флота, наиболее эффективно использовать свои знания и силы для разгрома врага?".

Перед войной структура Гидрометслужбы сложилась примерно такая же, как и сейчас. В составе Главного управления Гидрометслужбы при Совете Народных комиссаров находились республиканские и местные (в РСФСР) Управления Гидрометслужбы. В их ведении - наблюдательные станции и посты, бюро погоды, авиационные метеостанции в аэропортах, различные вспомогательные подразделения, научно-исследовательские институты.

В Арктике гидрометобсерватории, бюро погоды, гидрометстанции подчинялись Главному управлению Северного морского пути при Совете Народных комиссаров (ГУСМП при СНК СССР). Их научным и методическим центром был Арктический научно-исследовательский институт (АНИИ).

Фото. Сотрудники Бюро погоды 1945 г. Офицеры Нефедов Н.В.- начальник радиоаппаратной связи, Басс М.И. . начальник Архангельского УГМС, Безуглый И.М.- начальник ОСП (отдел службы прогнозов управления), Добрынин А.И. . начальник Бюро Погоды.

Война поставила перед гидрометеорологами свои специфические задачи, которые можно было решить путем военизации всей Гидрометеорологической службы.

Уже в июле 1941г. Главное управление Гидрометслужбы со всеми своими подразделениями было включено в состав Вооруженных сил. Начальником Главного управления Гидрометслужбы Красной Армии стал академик Е.К. Федоров.

Изменения произошли и в Архангельском УГМС.

На Севере боевые действия охватили Белое, Баренцево, Карское и даже - море Лаптевых. Плавание в этих широтах было сопряжено с огромными трудностями, основными из которых была тяжелая, быстроменяющаяся гидрометеорологическая и, особенно, ледовая обстановка. Перед гидрометеорологами встала трудная задача - в военных условиях обеспечение своевременной информацией о состоянии погоды, а также качественными прогнозами погоды.

В начале войны гидрометеорологическое обслуживание обеспечивалось группой при штабе Беломорской военной флотилии. Возглавлял ее известный океанолог профессор Н.Н. Зубов. В 1942 г. эта работа была возложена на Управление Гидрометслужбы Архангельского военного округа. С этой целью были организованы два отделения: службы погоды (ОСП) и ледовой службы (ОЛС).

Район обслуживания отделения службы погоды простирался от Карелии до о. Диксон. Инженеры-синоптики были поставлены в очень тяжелые условия-работы - из-за полного отсутствия метеорологической информации с Западной Европы, а также оккупированной части СССР. Они "на ходу" учились работать по "обрезанной" карте. Несмотря на это, синоптики старались полностью использовать все имеющиеся данные для подготовки качественного прогноза погоды.

Значительно увеличился объем работ у техников-синоптиков. В самые тяжелые 1941-1943 годы часто приходилось работать без электрического

освещения, при "коптилках", во время бомбежек, но синоптики круглосуточно несли вахту, обеспечивая армию и флот необходимой гидрометинформацией и прогнозами погоды. В военные годы в Бюро погоды под руководством сначала А.И. Добрынина, а затем И.М. Безуглого сложился дружный, работоспособный коллектив: Это инженеры-синоптики М.А. Васильева, Н.Н. Бельская, Е.Е. Флягина, техники М.И. Большакова, Е.П. Добрынина, Ф.К. Попова, А.А. Суховская и многие другие.

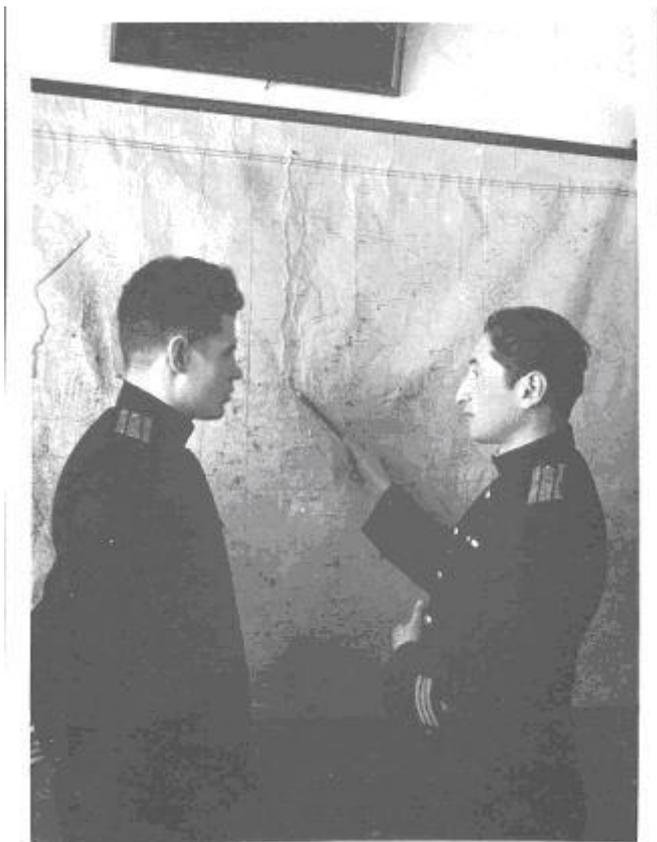

Фото. Обсуждение положения атмосферных фронтов проводит начальник Управления Гидрометслужбы АВО Архангельского УГМС М.И. Басс.

Ряд специалистов выезжали в командировки на Новую Землю, о. Вайгач, о. Диксон. На ряде метеостанций были введены даже должности синоптиков.

В задачу отделения ледовой службы входило, кроме обеспечения штаба Беломорской флотилии, обслуживание ряда гражданских организаций.

Информация о ледовой обстановке поступала из различных источников: гидрометстанций, постов СНИС, авиаразведок льдов. Всего за 1942 - первую половину 1945 г. было сделано 255 авиаразведок по Белому морю. Только в

одном 1944 г. было выполнено 115 вылетов. Данные ледовых разведок оперативно сообщались в штаб Беломорской военной флотилии и непосредственно на суда.

В отдельные дни при проводке караванов судов и проведении других операций в тяжелейших условиях на Белом море ледовые разведчики вылетали по несколько раз для получения непрерывной информации о ледовой обстановке.

В обеспечение круглогодичного плавания по Белому морю и зимних навигаций в Архангельске большой вклад внесли специалисты этой службы.

Особенности положения Архангельска в дельте Северной Двины, отсутствие мостов через реку, значительный подход военных грузов морским путем в зимний период потребовали организации ледовых переправ, как для автотранспорта, так и для железнодорожных составов.

Уполномоченным Государственного комитета Обороны по перевозкам на Севере был назначен дважды Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин.

Опыт организации ледовых переправ был накоплен еще в первую мировую войну, а также в период Финской кампании. В зиму 1941-42г.г. гидрологами Архангельского УГМС был выполнен большой объем экспедиционных исследований в районе переправ (съемка температуры воды, пробурыв льда, испытания его на прочность). В результате рекогносцировочных исследований предлагались места для железнодорожной переправы в районе Жаровихи. Общее руководство работами осуществлял И.Д. Папанин.

Много труда вложил в обслуживание ледовых переправ Николай Иванович Косягин. Гидрологи вели ежедневный контроль за толщиной льда, определяли предельно допустимые нагрузки. В УГМС Архангельского военного округа полученные данные использовались для составления прогнозов. Благодаря успешному гидрологическому обслуживанию доставка военных грузов в Архангельск в зимнее время не прекращалась.

В суровом 1943 году Гидрометеорологическая служба взяла на "вооружение" новый для нее метод - экспедиционные исследования рек и озер, что диктовалось запросами обороны и хозяйственными потребностями мирного времени. В годы войны малочисленные отряды (по 2-3 человека) обследовали и дали гидрографическое описание десяткам водных объектов. Руководителями отрядов были И.М. Жила, Н.П. Пальников, А.П. Мысяков и другие гидрологи управления. Особо надо отметить, что в период войны, помимо составления оперативных данных по гидрометрежиму морей, были составлены и даже изданы капитальные научные работы по Белому морю: "Атлас льдов" В.В. Тимонова, "Атлас течений" В.П. Александрова, "Атлас приливов" К.Д. Тирона, "Таблицы приливов" М.В. Ремизова и другие труды. Советское правительство высоко оценило труд северян - гидрометеорологов, наградив их орденами и медалями. Большой вклад в развитие гидрометслужбы на Севере в те годы внесли Басс М.И., Соболева А.Н., Шумякин А.Н., Безуглый И.М., Добрынин А.И., Кузнецов И.С., Швец М.Ф., Забуга Т.А., Жила И.М., Королев И.С., Безнаев Е.И., Сотникова А.П. и ряд других.

Фото. М.И. Басс, начальник Архангельского управления (1941-1946 г.г.) на рабочем месте.

После окончания войны, в 1946 году, Главное Управление Гидрометслужбы вместе со всеми его подразделениями было «демобилизовано», выведено из состава Министерства Обороны и передано в непосредственное подчинение правительству СССР.